

Афганский фактор в политике стран Центральной Азии

Трансформация восприятия

Омар НЕССАР

В 90-х годах Афганистан во многом воспринимался странами Центральной Азии как источник угроз, что было обусловлено внутренней нестабильностью и возможностью распространения экстремистских идей. Такое восприятие афганской проблематики, сформированное в том числе под влиянием внешних акторов, имеет долгосрочные последствия.

Хроническая нестабильность в Афганистане создаёт определённый сравнительный контекст, в котором политические системы соседних государств, при всех их объективных ограничениях, могут восприниматься местным населением как более устойчивые. В такой ситуации вопросы дефицита политического плюрализма и проблемы социально-экономического развития закономерно отходят на второй план по сравнению с базовыми запросами на безопасность и предсказуемость. Это способствует формированию особого нарратива, где акцент на внешних рисках опосредованно усиливает ценность внутренней стабильности в общественном сознании. Так или иначе, сформировавшийся таким образом образ Афганистана, пусть и в меньшей степени, но в целом продолжает сохранять свою актуальность в современном политическом дискурсе региона.

Период военного присутствия США в Афганистане (2001–2021 гг.) сформировал систему международных отношений, в кото-

рой взаимодействие внешних акторов с Афганистаном определялось сложным переплетением глобальных и региональных факторов. Ха-

НЕССАР Мохаммад Омар – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН. *SPIN-код:* 3043-3285, *E-mail:* nessar@yandex.ru

Ключевые слова: Афганистан, «Талибан», Центральная Азия, Таджикистан, Узбекистан, Туркмения, Киргизия, Казахстан.

рактерной особенностью этого периода стало формирование многослойной системы параметров, где национальные стратегии государств на афганском направлении складывались под воздействием взаимосвязанных внешнеполитических векторов.

Доминирующая роль США и их союзников по НАТО в определении параметров афганского урегулирования создавала систему координат, в рамках которой выстраивали свою политику другие участники. Однако этот перекося дополнялся активным включением региональных держав, прежде всего России, Китая, Ирана, Пакистана, которые стремились адаптировать афганскую повестку к своим стратегическим интересам. В результате двусторонние отношения с Афганистаном трансформировались в сложный политический конструкт, где национальные решения «малых стран» неизбежно становились в значительной степени производными от трансатлантической координации, регионального баланса сил и внутриафганской динамики. Особую сложность эта система приобретала в случае центрально-азиатских государств, сталкивавшихся с необходимостью балансировать между сотрудничеством с Западом, учётом интересов России и Китая и продвижением собственных приоритетов в экономике, безопасности и социокультурном сотрудничестве.

Подобная конфигурация способствовала формированию в эксперт-

но-академическом дискурсе концептуальных конструктов, таких как афганский вопрос, афганское дело или афганский трек. Хотя эти термины немного различаются по смыслу, все они показывают сложность афганской проблематики. Здесь вопросы безопасности и экономики тесно связаны с геополитическими интересами внешних акторов. В работе термин «афганский вопрос» используется как аналитическая рамка, позволяющая системно рассматривать многослойную природу международного взаимодействия по афганской проблематике, учитывающую переплетение вопросов безопасности, экономического развития и геополитических интересов акторов.

Военное присутствие США и НАТО в регионе (2001–2021 гг.), включая размещение военных объектов на территории стран Центральной Азии, привело к значительной трансформации системы региональной безопасности, став одним из её элементов. После начала масштабной военной операции в Афганистане (2001 г.) традиционное для постсоветского периода восприятие «афганской угрозы» в некоторых странах Центральной Азии постепенно утратило прежнюю остроту¹. Это нашло отражение в политике Узбекистана, который в 2012 г. приостановил членство в ОДКБ, организации, созданной для обеспечения коллективной безопасности в регионе, включая противодействие угрозам из Афганистана².

¹ Султанмуратов Н. К вопросу о политике Казахстана по отношению к Афганистану // Россия и мир: научный диалог. 2023. № №2. С. 94–106.

² Узбекистан приостанавливает членство в ОДКБ // Газета.Ру, 28.06.2012 // URL: https://www.gazeta.ru/politics/news/2012/06/28/n_2412033.shtml

Тем не менее определённые наблюдения за внешнеполитическими дискурсами позволяют предположить, что ключевые принципы взаимодействия центральноазиатских республик в период военного пребывания западной коалиции в регионе к афганскому вопросу сохраняли свою концептуальную преемственность с базовыми подходами, сформировавшимися в ранний постсоветский период. Это подразумевало сохранение традиционной парадигмы, в рамках которой Афганистан рассматривался центральноазиатскими государствами как потенциальный дестабилизирующий субъект.

Вывод военного контингента западной коалиции из Афганистана (2021 г.) и последовавшее за ним установление контроля над территорией страны талибами привело к значительной трансформации параметров афганского вопроса. Это ознаменовало переход от модели внешнего управления, доминировавшей в 2001–2021 гг. к новой конфигурации, характеризующейся следующими ключевыми особенностями:

- радикальным изменением баланса внешних акторов;
- трансформацией механизмов внешнего воздействия на внутриафганские процессы;
- формированием новых условий для регионального взаимодействия, включая сферу безопасности.

В период правления талибов (август 2021 г. – наст. вр.) отмечается значительная трансформация

характера угроз безопасности в Афганистане. После августа 2021 г. зафиксировано снижение интенсивности вооружённых столкновений на территории страны, что существенно расходится с первоначальными ожиданиями, что демонстрирует тот факт, что непосредственно перед сменой власти в Афганистане Россия, Таджикистан и Узбекистан проводили совместные военные учения в приграничных районах³.

Исследователи объясняют такую трансформацию ситуации в сфере безопасности совокупностью факторов, включая изменения в глобальных тенденциях. Однако ключевым аспектом в страновом контексте является трансформация деятельности талибов – прекращение вооружённой борьбы. Следует отметить, что до августа 2021 г. именно талибы несли ответственность за значительное количество атак, направленных против гражданского населения. Кроме того, нельзя игнорировать относительную эффективность мер, предпринимаемых талибскими властями для контроля над положением в сфере безопасности, в частности, противодействия деятельности «ИГИЛ-Хорасан»*. Это подтверждается постепенным сокращением числа терактов, совершаемых данной группировкой в период с 2021 по 2025 г. В результате всего этого, согласно оценкам отечественных исследователей, уровень террористической активности в Афганистане достиг минимальных значений за последние два десятилетия. В 2023 г. страна впервые за более чем 20 лет не

³ Сафранчук А.И., Конаровский М.А., Мачитидзе Г.Г. [и др.]. Афганистан после смены режима: внутренняя и международная неопределённость // Евразийские стратегии. М.: МГИМО, 2022. С. 16.

* Террористическая организация, деятельность которой на территории Российской Федерации запрещена на законодательном уровне.

вошла в число пяти государств с наиболее высокими показателями террористической угрозы⁴.

Указанные изменения вместе с глобальными тенденциями привели к трансформации характера угроз, исходящих от «ИГИЛ-Хорасан». На смену традиционным формам пришла переориентация группировки на цифровые модели. Особую озабоченность вызывает стратегический сдвиг в онлайн-деятельности организации: если ранее её виртуальное присутствие ограничивалось преимущественно пропагандой, то в новых условиях наблюдается переход к системе виртуальной подготовки боевиков⁵, что проявляется в снижении зависимости группировки от географической локализации, минимизации потребности в физических тренировочных лагерях и приводит к созданию принципиально новых вызовов для органов безопасности, которые требуют адаптации традиционных методов противодействия.

При этом сохраняющаяся идеологическая привлекательность «ИГИЛ-Хорасан» для радикальных элементов – на фоне ограниченной эффективности контртеррористических мер талибов – свидетельствует о сохранении высокого уровня угрозы со стороны данной группировки.

Существующие оценки ряда отечественных авторов о высокой эффективности противодействия талибов идеологическим основам «ИГИЛ-Хорасан», в частности салафитской доктрине, не выглядят достаточно

убедительными. Скептицизм обусловлен фундаментальными трудностями, с которыми сталкиваются талибы в этом вопросе, прежде всего с их избирательным подходом к различным салафитским группировкам. Ключевая проблема заключается в том, что они демонстрируют лояльность к тем салафитским формированиям, которые принесли присягу верности лидеру движения, а это фактически трансформирует идеологический критерий в вопрос политической лояльности: первостепенное значение приобретает не религиозно-идеологическая принадлежность, а признание верховенства руководства талибов. В результате салафитская доктрина как таковая перестаёт быть определяющим фактором в отношениях с вооружёнными группировками.

Таким образом, даже на фоне снижения интенсивности боевых действий и терактов в Афганистане **долгосрочные тренды свидетельствуют не об устранении угроз, а об их качественной трансформации.**

На фоне этих изменений страны Центральной Азии стали формировать разные подходы к афганскому вопросу, где у одних преобладает осторожность, а у других – прагматизм. Но в целом современные подходы центральноазиатских государств характеризуются доминированием экономических ориентиров, что закономерно снижает приоритетность вопросов безопасности в их политической повестке.

⁴ Степанова Е.А. Терроризм и антитерроризм в талибском Афганистане и фактор ИГИЛ-Хорасан // Пути к миру и безопасности. 2024. № 2(67). С. 11-53.

⁵ Бортников: исполнителей теракта в «Крокусе» прицельно вербовали среди таджиков // Коммерсант. 2024. 4 октября // URL: <https://www.kommersant.ru/doc/7199561>

Акцент на новые приоритеты привёл к пересмотру стратегии в афганском вопросе, что проявилось в активизации взаимодействия стран Центральной Азии с правительством талибов. Анализ современной динамики этих взаимодействий позволяет выделить две условные категории участников:

1. Государства с активной внешнеполитической позицией (Узбекистан, Туркмения, Казахстан).

2. Государства, демонстрирующие сдержанный подход (Таджикистан, Киргизия).

Рассмотрим подробнее развитие взаимоотношений и внешнеполитические подходы каждого из центральноазиатских государств.

Узбекистан. Официальные контакты между Ташкентом и правительством талибов в 2021–2025 гг. характеризуются высокой интенсивностью и обладают значительной важностью для обеих сторон.

Узбекистан стал одним из первых государств, начавших активный диалог с новым афганским руководством⁶. Двусторонние отношения носят комплексный характер, их основное содержание сосредоточено на реализации экономических проектов.

В официальном дискурсе Ташкента особый акцент делается на использовании транзитного потенциа-

ла Афганистана как связующего звена между Центральной и Южной Азией.

Среди транспортных инициатив приоритетное значение отводится реализации проекта Трансафганской железной дороги, призванной обеспечить железнодорожное сообщение между Узбекистаном и пакистанскими морскими портами через Афганистан*. Стратегическая направленность Узбекистана на учёт транзитного потенциала Афганистана при формировании двусторонних отношений обусловлена ключевой ролью транспортного узла Хайратон на афгано-узбекской границе – наиболее развитого сухопутного терминала на афганской территории.

Внешнеполитический курс Узбекистана на афганском направлении показывает устойчивый интерес к экономическому сотрудничеству при сознательном ограничении участия во внутриафганских политических процессах⁷. Однако кажущееся отсутствие напряжённости в официальной повестке не отражает всей сложности двусторонних отношений. Несмотря на акцент на экономике, вопросы безопасности остаются важной частью отношений Узбекистана и Афганистана. Это видно по регулярным встречам силовиков, официальным заявлениям и мнениям узбекских экспертов⁸.

⁶ Заявление МИД талибов о визите главы МИД Узбекистана. 07.10.2021 // URL: <https://twitter.com/QaharBalkhi/status/1446047342566809601/photo/3>

⁷ Махмудов Р.Б. Афганский вектор современной внешней политики Узбекистана // Россия и мир: научный диалог. 2023. № 2. С. 80–93.

⁸ Встреча главы СГБ с министром обороны талибов // URL: <https://iraf.ir/3816/security/>; Встреча делегации сторон // URL: <https://sputnik.af/20221006/>

* Как показывает проведённый автором анализ выступлений и заявлений руководства Узбекистана, в их риторике на высшем уровне ключевое внимание уделено транспортным проектам, что подчёркивает их стратегическую значимость для страны.

Ещё один вопрос, создающий определённую напряжённость в двусторонних отношениях, – это проблема водопользования, связанная со строительством на севере Афганистана канала Куш-Тепа, ставшего одним из первых крупных инфраструктурных проектов талибов после их прихода к власти⁹.

Туркменистан. Анализ эволюции внешнеполитического курса Туркмении в отношении афганской проблематики за 2021–2025 гг. свидетельствует о преемственности основных подходов, сложившихся в предыдущий период. Взаимодействие между Ашхабадом и администрацией талибов осуществляется на высшем политическом уровне. Туркмения оказалась в числе первых государств, установивших официальный диалог с новым руководством Афганистана после августовских событий 2021 г.¹⁰

Тематики встреч позволяет констатировать, что экономическое сотрудничество формирует концептуальную основу двусторонних отношений. В фокусе дискуссий находятся прежде всего крупные инфраструктурные проекты, включающие:

- реализацию проекта по строительству газопровода Туркмения – Афганистан – Пакистан – Индия (ТАПИ);

- строительство линии электропередачи Туркмения – Афганистан – Пакистан (ТАПИ);

- развитие железнодорожной ветки, проходящей через афганские города Тургунди и Спин-Булдак и соединяющей Туркмению, Афганистан и Пакистан*.

Туркмения и Афганистан активно взаимодействуют по проекту газопровода ТАПИ. Несмотря на прошлые сложности, Ашхабад продолжает продвигать этот проект. Эта позиция – часть долгосрочной стратегии страны по укреплению своих позиций как экспортёра газа**.

Партнёрство Туркмении и Афганистана ориентировано не только на реализацию инфраструктурных проектов, но и на перераспределение влияния в системе региональных энергетических и транспортных коммуникаций. Современная афганская стратегия Ашхабада способствует укреплению позиций Казахстана в его соперничестве с Узбекистаном. Данный эффект обусловлен логистическими факторами: в отличие от Узбекистана, имеющего прямую границу с Афганистаном, Казахстан находится в менее выгодном положении для развития торгово-экономических связей. Вероятно, Казахстан рассчитывает компенсировать этот географический недостаток за счёт формирующегося трёхстороннего

⁹ Мирзиёев предложил привлечь Афганистан к переговорам о водных ресурсах // ТАСС 15.08.2023 // URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/18757411>

¹⁰ Заявление заместителя премьер-министра талибов о визите главы МИД Туркменистана Р. Мередова в Кабул // URL: <https://twitter.com/IeaOffice>

* Как показывает проведённый анализ официальных заявлений властей Туркмении, в их риторике на высшем уровне ключевое внимание уделено транспортным проектам, учитывающим транзитный потенциал Афганистана в региональном масштабе.

** Анализ выступлений руководства Туркмении и совместных заявлений сторон показывает, что проект ТАПИ неизменно занимает центральное место в двусторонней повестке. Фактически ни одно официальное заявление по афганскому направлению не обходится без акцента на этом проекте.

формата сотрудничества в транспортно-логистической сфере (Казахстан – Туркменистан – Афганистан).

Казахстан. В отличие от Узбекистана и Туркменистана Казахстан (после 2021 г.) приступил к активному курсу на афганском направлении несколько позднее. Это объясняется не только отсутствием границы с Афганистаном и более осторожной внешнеполитической стратегией страны, но и тем, что до прихода талибов к власти Казахстан был в меньшей степени вовлечён в мирный процесс, предшествовавший выводу иностранных сил с афганской территории.

Политика Казахстана в отношении Афганистана в период 2021–2025 гг. отличалась постепенной нормализацией отношений с выраженной экономической направленностью. Характерно, что Кабул посещали исключительно представители экономического блока казахстанского правительства*. Данный подход контрастирует с позицией Узбекистана и Туркменистана, чьи министры иностранных дел совершили визиты в Афганистан на раннем этапе правления талибов.

Сдержанность Казахстана в политической сфере компенсировалась активным развитием торгово-экономического сотрудничества. Рост товарооборота, стимулированный притоком западной гуманитарной помощи в Афганистан в начальный период установления власти талибов, стал ключевым фактором

активизации афганского направления во внешней политике республики. Уже к 2023 г. Казахстан превратился в ведущего поставщика зерна в Афганистан, доведя двусторонний товарооборот до 1 млрд долл.¹¹ Это наглядно демонстрирует приоритетность торгово-экономических механизмов в казахстанском подходе к взаимодействию с Афганистаном.

Географическая удалённость Казахстана от Афганистана обеспечила определённые преимущества, позволив избежать «эффекта соседства» – пограничных напряжений и миграционного давления, характерных для приграничных государств, хотя эта географическая данность создаёт для Казахстана новые вызовы, усиливая его логистическую зависимость от Узбекистана. Это потенциально обостряет соперничество двух стран за доминирование на афганском направлении, поскольку контроль над транспортными маршрутами становится ключевым фактором влияния.

Перспективы углубления сотрудничества с Афганистаном остаются ситуативными и во многом зависят от внешней конъюнктуры. В частности, стабильность торговых потоков, включая ключевую для Казахстана экспорт муки в большей степени завязана на вопросе внешнего донорского финансирования афганских импортёров – факторе, подверженном колебаниям в зависимости от геополитической повестки третьих стран. Кроме того, успешная

¹¹ Акимбеков С.М. Про исключение Талибан и не только // Институт азиатских исследований. 02.01.2024. URL: <https://institute.asiakz.com/ru/rubrics/comments/pro-isklyuchenie-taliban-i-ne-tolko>

* Данный вывод основан на комплексном анализе официальных визитов и заявлений Казахстана и правительства талибов.

реализация ирригационных проектов талибского правительства на севере страны, вероятно, приведёт к значительному сокращению импортной зависимости Афганистана по зерну.

На этом фоне наблюдаемая в последнее время эволюция подхода Казахстана выглядит закономерной: от преобладающего торгово-экономического взаимодействия к реализации стратегических инфраструктурных проектов, прежде всего в сфере железнодорожного строительства¹².

Эту трансформацию можно рассматривать не только как попытку Астаны снизить логистическую зависимость, но и как стремление перевести двусторонние экономические отношения из ситуативного сотрудничества в формат стратегического партнёрства.

Таджикистан. Среди центральноазиатских государств Таджикистан не только воздержался от установления отношений с правительством талибов, но и занял весьма жёсткую позицию, обусловленную объективными опасениями относительно угроз национальной безопасности.

Позиция Душанбе связана с восприятием талибов как долгосрочного фактора угрозы национальной стабильности. Существенное влияние на формирование такой

позиции оказывает трансформация характера угроз безопасности. Несмотря на общее снижение интенсивности боевых действий в Афганистане, в Душанбе сохраняются опасения относительно укрепления позиций отдельных радикальных группировок, чья деятельность рассматривается как прямая угроза безопасности региона¹³. Кроме того, политика Душанбе формируется под влиянием не только текущей ситуации в сфере безопасности, но и стратегических рисков, включая потенциал этноконфессиональной напряжённости и геополитической конкуренции в регионе¹⁴.

Несмотря на наблюдаемое к 2025 г. некоторое смягчение риторики Таджикистана в отношении правительства талибов, на текущий момент Таджикистан остается единственной страной Центральной Азии, где афганское посольство в Душанбе продолжает функционировать под управлением дипломатов, назначенных прежним правительством Исламской Республики Афганистан¹⁵. Хотя в медиапространстве периодически появляются сообщения о попытках талибов установить контроль над дипломатическими представительствами, достоверного официального подтверждения этих сведений не поступало.

В период 2021–2024 гг. позиция Таджикистана по афганскому вопросу характеризовалась:

¹² Заявление о готовности Казахстана участвовать в строительстве Трансафганской железной дороги // ТАСС. 25.04.2024 // URL: <https://tass.ru/ekonomika/20645617>

¹³ Искандаров К. Гуманитарная ситуация и проблемы безопасности в Афганистане после прихода к власти «Талибана»: взгляд из Таджикистана // Россия и мир: научный диалог. 2023. № 2. С. 142–157.

¹⁴ Заявления Президента Таджикистана Э. Рахмона на встрече с министром иностранных дел Пакистана // URL: <http://www.president.tj/ru/node/26368>

¹⁵ Интервью посла З. Арапа (назначенного предыдущим правительством Афганистана), данное в июле 2024 г. // URL: <https://www.youtube.com/watch?v=V9kv8GJWguY>

1. Последовательным акцентом на вопросах безопасности.

2. Противодействием нарко-трафику.

3. Вниманием к гуманитарной ситуации.

4. Защитой интересов этнических таджиков в Афганистане.

При этом официальный Душанбе продолжает выражать озабоченность по поводу отсутствия представительства всех этнических групп в системе государственного управления Афганистана, хотя в 2024–2025 гг. подобные заявления звучат менее категорично по сравнению с периодом 2021–2023 гг.

Киргизия. Анализ эволюции позиции Бишкека по афганскому вопросу показывает определённое снижение уровня вовлечённости республики в сравнении с предыдущими периодами. На начальной

фазе после установления власти талибов между сторонами был налажен диалог на официальном уровне¹⁶, а впоследствии Кыргызская Республика приняла решение о легитимации нового афганского режима, исключив движение «Талибан»* из национального списка запрещённых организаций¹⁷.

Сдержанная позиция Бишкека обусловлена совокупностью объективных факторов, среди которых следует выделить географическую удаленность от афганских границ и ограниченный характер двусторонних экономических связей. Данные обстоятельства предопределяют приоритетность вопросов безопасности во внешнеполитической повестке Киргизии, что, в свою очередь, способствует его ориентации на многосторонние механизмы взаимодействия, в частности в рамках ОДКБ и ШОС.

Современные тенденции свидетельствуют о постепенной трансформации восприятия Афганистана в Центральной Азии в положительном ключе.

Приход талибов к власти в 2021 г., вызвавший трансформацию структуры угроз безопасности и появление новых экономических стимулов, стал катализатором постепенного отказа стран Центральной Азии от постсоветской парадигмы восприятия Афганистана исключительно как региональной угрозы.

Хотя этот процесс находится на начальной стадии, но в настоящее время прослеживается формирование двух условных групп государств Центральной Азии, различающихся подходами к афганской проблематике:

1. Страны, ориентированные на экономическое взаимодействие (Узбекистан, Туркмения, Казахстан), в своей политике делают акцент на экономическую интеграцию, рассматривая вопросы безопасности в более гибком контексте. Данные государства проводят активную политику в отношении Афганистана, включая интенсивные контакты с правительством талибов.

¹⁶ Визит делегации Кыргызской Республики в Кабул в ноябре 2022 г. // URL: <https://tolonews.com/fa/afghanistan-180649>

¹⁷ Киргизия исключила «Талибан» из списка запрещённых организаций // ТАСС, 05.08.2024 // URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/21786469>

* Террористическая организация, деятельность которой на территории Российской Федерации запрещена на законодательном уровне.

2. Страны, придерживающиеся иных стратегических приоритетов, особенно те, что уделяют первостепенное внимание безопасности. Эти государства по афганскому вопросу в значительной степени опираются на многосторонние форматы взаимодействия.

Однако следует отметить, что, несмотря на сохраняющуюся неоднородность подходов стран региона к афганскому вопросу, наблюдается их постепенная конвергенция. Динамика взаимоотношений демонстрирует устойчивый рост, что с высокой вероятностью приведёт к эволюции позиции Таджикистана.

Возрастающая роль Афганистана уже оказывает существенное влияние на региональную архитектуру, стимулируя как формирование новых альянсов, так и обострение существующих противоречий.

Особого внимания заслуживает формирование альянса между Казахстаном и Туркменией, во многом обусловленное изменениями в логистических схемах. Это создало новые точки соприкосновения интересов с Узбекистаном, имеющим значительное влияние на стратегически важный для Афганистана хайратонский транспортный узел. Астана, столкнувшись с необходимостью поиска альтернативных транспортных маршрутов, проявляет особую активность в развитии данного направления. Это создаёт предпосылки для формирования трёхстороннего формата сотрудничества между Казахстаном, Туркменией и Афганистаном.

Отношения между администрацией талибов и странами Центральной Азии в целом развиваются в позитивном ключе, и эта тенденция, вероятно, сохранится в среднесрочной перспективе. Однако дальнейшее развитие двусторонних отношений будет зависеть от совокупности факторов, как внутриафганских, так и внешних. Ключевое значение приобретает реализация инфраструктурных проектов, которая определяется не только политической волей сторон, но и внешнеполитической конъюнктурой. Их осуществление требует масштабных инвестиций, маловероятных без участия международных финансовых институтов и поддержки третьих стран, причём готовность последних к финансированию напрямую связана с вопросом легитимации афганских властей.

Дополнительным вызовом остаётся региональная нестабильность, проявляющаяся в двух ключевых направлениях: *во-первых*, эскалация афгано-пакистанской напряжённости ставит под угрозу как существующие, так и планируемые транспортные коридоры, связывающие регион с Южной Азией; *во-вторых*, ирано-израильское противостояние осложняет перспективы реализации стратегических инфраструктурных проектов, включая МТК «Север – Юг» и транзитный маршрут через порт Чабыхар. Это затрагивает интересы России, Индии и центральноазиатских государств, рассматривающих данные инициативы как важный элемент своей транспортной политики.

Таким образом, при сохранении текущих тенденций внутреннего развития Афганистана и благоприятной региональной динамики можно прогнозировать последовательную нормализацию восприятия страны в Центральной Азии с параллельным укреплением её роли как значимого партнёра в системе региональных взаимосвязей.

Библиография • References

- Акимбеков С.М. Про исключение Талибан и не только // Институт азиатских исследований. 02.01.2024. URL: <https://institute.asiakz.com/ru/rubrics/comments/pro-isklyuchenie-taliban-i-ne-tolko>
- [Akimbekov S.M. Pro isklyuchenie Taliban i ne tol'ko // Institut aziatskih issledovaniy. 02.01.2024. URL: <https://institute.asiakz.com/ru/rubrics/comments/pro-isklyuchenie-taliban-i-ne-tolko>]
- Искандаров К. Гуманитарная ситуация и проблемы безопасности в Афганистане после прихода к власти «Талибана»: взгляд из Таджикистана // Россия и мир: научный диалог. 2023. № 2. С. 142-157.
- [Iskandarov K. Gumanitarnaya situatsiya i problemy bezopasnosti v Afganistane posle prihoda k vlasti «Talibana»: vzglyad iz Tadjikistana // Rossiya i mir: nauchnyj dialog. 2023. № 2. S. 142-157]
- Махмудов Р.Б. Афганский вектор современной внешней политики Узбекистана // Россия и мир: научный диалог. 2023. № 2. С. 80-93.
- [Mahmudov R.B. Afganskij vektor sovremennoj vneshnej politiki Uzbekistana // Rossiya i mir: nauchnyj dialog. 2023. № 2. S. 80-93]
- Мирзиёев предложил привлечь Афганистан к переговорам о водных ресурсах // ТАСС 15.08.2023 // URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/18757411>
- [Mirziyoev predlozhl privlech' Afganistan k peregovoram o vodnyh resursah // TASS 15.08.2023 // URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/18757411>]
- Сафранчук А.И., Конаровский М.А., Мачитидзе Г.Г. [и др.]. Афганистан после смены режима: внутренняя и международная неопределённость // Евразийские стратегии. М.: МГИМО, 2022. – 32 с.
- [Safranchuk A.I., Konarovskij M.A., Machitidze G.G. [i dr.]. Afganistan posle smeny rezhima: vnutrennyaya i mezhdunarodnaya neopredelyonnost' // Evrazijskie strategii. M.: MGIMO, 2022. – 32 s.]
- Степанова Е.А. Терроризм и антитерроризм в талибском Афганистане и фактор ИГИЛ-Хорасан // Пути к миру и безопасности. 2024. № 2(67). С. 11-53.
- [Stepanova E.A. Terrorizm i antiterrorizm v talibskom Afganistane i faktor IGIL-Horasan // Puti k miru i bezopasnosti. 2024. № 2(67). S. 11-53]
- Султанмуратов Н. К вопросу о политике Казахстана по отношению к Афганистану // Россия и мир: научный диалог. 2023. № 2. С. 94-106.
- [Sultanmuratov N. K voprosu o politike Kazahstana po otnosheniyu k Afganistanu // Rossiya i mir: nauchnyj dialog. 2023. № 2. S. 94-106]

Статья поступила в редакцию 22 июня 2025 г.

Статья принята к печати 25 июня 2025 г.